

«ОСОБЕННЫЙ» БАЙРОНИСТ ЛЕРМОНТОВ В ВОСПРИЯТИИ ДОСТОЕВСКОГО

Уткина Е.В.

ГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет им. В.П. Чкалова», Оренбург, Россия (460014, Оренбург, ул. Советская 19, e-mail: ospu@ospu.ru)

Рассматривается сложный процесс осмысления Достоевским творческих открытий Лермонтова. В качестве отправной точки используется характеристика Лермонтова как «особенного» байрониста. Автор делает попытку раскрыть эту характеристику через присущий только Достоевскому опыт постижения творчества поэта. Духовная глубина лирики и прозы поэта, пристальное внимание к трагедии человеческого существования оказываются востребованными и развитыми Достоевским. Писателя привлекает метафизический аспект противостояния Лермонтова – поэта «толпе», духовная природа «гордого демона», живущего в его сознании, и борьба с ним, мучительный внутренний конфликт Печорина – кем устанавливаются высшие нравственные законы: божьей волей или человеком. Этот спектр проблем продолжает свое развитие во многих героях Достоевского, достигая наивысшего трагизма и глубины в образе Николая Ставрогина. Ход исследования подчеркивает широкий и сложный подтекст характеристики Лермонтова как «особенного» байрониста.

Ключевые слова: «особенный» байронист, бунт, духовный опыт, демон, демонические черты, внутренний конфликт, Печорин, Ставрогин, герой Достоевского, трагедия поэта, исход.

«SPECIAL» BYRONIST LERMONTOV PERCEIVED BY DOSTOEVSKY

Utkina E.V.

«Orenburg state pedagogical university n. a. V.P.Chkalov», Orenburg, Russia, (460014, Orenburg, Sovetskaya Str., 19, e-mail: ospu@ospu.ru)

The article describes the complex process of observation of Lermontov's art discoveries by Dostoevsky. The feature of Lermontov as a «special» byronist is used as a starting point. The author makes an attempt to reveal this feature through the experience of poet's work comprehension, peculiar only to Dostoevsky. The writer was attracted by metaphysical aspect of opposition of Lermontov – poet to the «crowd», spiritual nature of «sublime demon», living in his mind, and the fight with him, a painful inner conflict of Pechorin – who establishes the higher moral laws: by the God's will or by a person. This spectre of problems develops in many characters of Dostoevsky, reaching the highest tragedy in Nikolai Stavrogin. The research work accentuates broad and deep implication of Lermontov characteristics as «special» byronist.

Keywords: «special» byronist, rebellion, spiritual experience, demon, demonic features, inner conflict, Pechprin, Stavrogin, a character of Dostoevsky, the tragedy of the poet, outcome.

Творчество М.Ю. Лермонтова вызывало у Ф.М. Достоевского пристальный интерес на протяжении многих лет жизни. Но отзывов о великом русском поэте он оставил не много, зато явил в своей творческой деятельности возможность наиболее глубокого его познания, создав ряд героев с чисто русской трагедией духовного одиночества, начало и первое развитие которой было положено Пушкиным и Лермонтовым.

Целью работы является попытка раскрыть особенности характеристики, данной Достоевским Лермонтову в «Дневнике писателя».

В очерке «Пушкин, Лермонтов и Некрасов» («Дневник писателя» за 1877 год. Декабрь. Глава вторая.) Достоевский ставит Лермонтова рядом с Пушкиным как тоже «уверовавшего в правду народную», отводя поэту, с его «великой своеобразной поэтической силой», роль «особенного» байрониста [4].

Пушкин создал и явил в нашей литературе «мир одновременно Божий и человеческий...добрый и грешный...из которого русская литература, в отличие от литературы западной, уже больше не вышла, выход из него почитая изменой. За Пушкиным в русском сознании всегда следует Лермонтов» гневный, бунтующий, печальный, байронический. Но уже давно замечено, что бунт его был «бесконечно высокого порядка» [28]. Злу, которое его мучало и терзало, он всегда противопоставлял Бога, Его свет и Его правду.

Еще совсем юным Лермонтов увлекся личностью и творчеством Байрона, это увлечение было длительным и глубоким. Прочитав биографию английского поэта (1830г.), он откликнулся стихотворением «К***» («*Не думай, чтоб я был достоин сожаленья*»), в котором говорил о глубоком душевном родстве со своим кумиром:

У нас одна душа, одни и те же муки;

О если б одинаков был удел! [11]

Позже, в 1832 году, он обозначит свое отличие в стихотворении «*Нет, я не Байрон, я другой*». Соотнося свою судьбу, свой удел с судьбой «гонимого миром странника», скажет о своем отличии: «Но только с русскою душой». Здесь же, в конце, обозначит и мучительный для себя вопрос:

Кто может, океан угрюмый,

Твои изведать тайны? Кто

Толпе мои расскажет думы?

Я – или Бог – или никто! [12]

Чуть ранее появляется еще одно значимое стихотворение «*1831 г. Июня 11 дня*». В нем «весь Лермонтов; здесь дан абрис будущей грандиозной картины» его недолгой жизни [26]. С этим утверждением Б.А. Садовского трудно не согласиться. Поэт чувствует себя одиноким и не намерен открывать свое сердце «толпе»:

Зачем ей знать, что в нем заключено?

Огонь иль сумрак там – ей всё равно. [13]

Его тревожит «грядущее», в котором душа «блуждать осуждена», он чувствует, что любовь – «страсть сильнейшая», имеет над ним «неограниченную власть». Под «ношей бытия» «С такой душой ты бог или злодей». Но когда перед его глазами разворачиваются грандиозные картины природы, он чувствует себя в полном единстве с ней, она близка к небесам, а значит, не подвержена земному. Эти картины рождают в поэте ту борьбу, движение, «жажду бытия», в которых и заключается для него сущность жизни. Он хочет так проживать каждый день, вместо этого бывают дни, когда «Душа сама собою стеснена». И это

состояние для него «есть сумерки души». Винить в нем можно только самого себя. Глубоко переживая внутренний разлад, он заключает:

Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого. [14]

Он жаждет сохранить свой «возросший деятельный гений», но как это сделать в окружающей действительности, где господствуют «посредственные люди»? («Унылый колокола звон»). Им не донести «источники сердечного блаженства», они не привыкли ценить прекрасное, «Холодный слушатель есть камень». Но поэту нечего стыдиться, перед миром он «чист» («Из Андрея Шенье»), он перенес много страданий, его душа «томится» («Стансы») и, хотя судьба и мир к нему не благосклонны, им его «унизить» не удастся («Хоть давно изменила мне радость»).

Вместе с тем поэт уверен, что тот, кто питается «пищею земной», его «гордый демон», от него «не отстанет» пока он жив, и будет манить «предчувствием блаженства», но счастья никогда не даст («Мой демон», отрывок 1831г.).

В процессе длительной работы над образом демона, ярко воплощенным в одноименной поэме, сформировался ряд его характерных «демонических» черт: гордость духа («Я бич рабов моих земных, / Я царь познания и свободы»); презрение ко всему, жажда обладания, упоение властью, демонически прекрасный, притягательный взгляд («И взор его с такой любовью, / Так грустно на нее смотрел»). За этими признаками открывается самое сложное в греховной природе Демона:

Он был похож на вечер ясный...
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!.. [15]

Перед нами размытость границ между двумя полюсами человеческой сущности... Будущая трагедия бесов Достоевского, быть может, гнездится именно здесь, в том психологическом портрете Демона, который создает Лермонтов.

О силе обаяния демона, о его «лучезарном» могуществе, о его вечной борьбе за душу человека блестяще напишет позже Ап. Майков в стихотворении «Ангел и демон», выражая всё ту же неизбывную проблему человеческой сущности:

Но торжество кому ж уступит
В пыли рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег?
Господень ангел тих и ясен;
Его живет смиренья луч;

Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч! [24]

В 1831 году Лермонтов пишет удивительно глубокое стихотворение с онтологически освоенным смыслом, тихое, ясное и светлое, оно называется «Ангел». В нем потрясают своим значением строки:

О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была. [16]

В них выражены все представления поэта о великой радости ощущения Бога, хвала Ему, со-единение с Ним, неизбывная тоска по этой радости, напоминанием о которой является «живой» звук ангельской песни.

В то же время здесь запечатлено состояние «внутренних глубин его духа», непрестанная, вечная борьба воинствующего во имя Божие с «драконом» [9]. Эту борьбу перекрывает тот самый звук песни, он «остался без слов», но душа поэта его сохранила и бережет, и тоскует о нем среди «скучных песен земли». Этот звук будет прорываться во многих других стихотворениях Лермонтова, среди которых «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...»), «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Родина» и мн. др.

Поэт будет страстно просить земных мук, их ценою покупаются «неба звуки» («Я жить хочу! хочу печали...»). Но уже скоро скажет опять, что это бессмысленно: зачем страстно желать услышать небесное звучание, если его нельзя донести до людей с их счастьем «в пыли»? Его не покидает глубокое чувство одиночества, такое выстраданное в знаменитом «Выхожу один я на дорогу». Это столь остро переживаемое поэтом чувство разлада с жизнью, по выражению прот. Александра Шмемана, не что иное, как глубокое осознание всей трагедии человеческого существования. Подобное осознание может возникнуть только тогда, когда есть «отнесенность к абсолютному и истинному, к доброму и прекрасному» [29].

Достоевский в своих характеристиках творчества поэта прозорливо определяет особенности его «дарования» и их возможный потенциал.

В беседе с Е.П. Опочининым он говорит о «нежной чудесной музыке его стихов» и пишет: «А какой запас творческих образов, мыслей, удивительных даже для мудреца» [3]. Он обнаруживает глубочайший трагизм лирики Лермонтова. Так, из уст его героев, находящихся в трагических жизненных ситуациях, звучат лермонтовские строки (такие примеры мы наблюдаем в романах «Преступление и наказание», «Подросток»).

Для Достоевского трагичной оказывается и сама фигура поэта, духовный мир которого, безусловно, влиял на создаваемые образы Арбенина, Мцыри, Демона, Печорина.

Более того, внутренний конфликт Печорина прорастает корнями в «герое» иного времени и иного уровня, темной, «последней» личности – Николае Ставрогине.

Именно внутренний конфликт и оказывается важнейшим открытием Лермонтова. Его Герой остро чувствует в себе то, с чем расстаться не в силах – личную свободу: «Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою...поставлю на карту...но свободы моей не продам» [17]. И это осознанный выбор Печорина. За ним стоит решение вопроса, который точно сформулировал Игорь Виноградов: «Это вопрос о том, установлены ли высшей божественной волей назначение человека и высшие нравственные законы его жизни или человек сам, своим свободным разумом, свободной своей волей определяет их и следует им» [2].

Печорин выбирает «свободный разум»: «Я давно уж живу не сердцем, а головою», «Я люблю сомневаться во всем». Им выработана *«принципиальная программа жизненного поведения»*, согласно ей вопрос, с которого «все начинается», решается Печориным в духе идейных исканий своего времени, не признающих «вмешательства высшей воли в дела человеческие». В этой позиции сказывается духовный опыт Героя, его попытка осмыслить человеческое существование. А за этой попыткой – судьба целого поколения.

Типологическая и генетическая взаимосвязь Ставрогина и Печорина не раз оказывались в центре внимания отечественных исследователей [10]. Достоевский будет осваивать творческие открытия Лермонтова на идейном, композиционном, образном, поэтическом уровнях, особый, пристальный интерес с конца 1860-х гг. вызовет у писателя философский роман «Герой нашего времени».

Достоевского волновало сложное, интимное переживание Бога, в котором явно ощущался и вызов Ему; интерес ко злу, как «страсти космической»; писатель ощущал стремление Лермонтова «вести душу читателя по мытарствам страстей вместе с душою действующего лица» [27].

Печорин будет задавать самому себе «неудобные» вопросы: «Неужели зло так привлекательно?» [18] Или «Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь» [19]; будет констатировать с тяжелым внутренним чувством рефлексии индивидуалиста: «Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути» [20]; будет проверять на себе воздействие собственной власти над людьми: «возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?» [21]; и при этом будет тосковать и глубоко страдать, т.е. испытывать положительный интерес к жизни: «И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно» [22].

Но Печорин – герой своего времени, Ставрогин же воплощает время новых индивидуалистов. В его делах и поступках мы увидим страшные ответы на поставленные Печориным вопросы и, прежде всего, ответ на вопрос о привлекательности зла, его обаятельных личинах и воздействии.

В Ставругине уже не будет того, что в Печорине рождает борьбу, неуспокоенность, глубокий внутренний разлад; в герое Достоевского будут сняты потенции к какой-либо возможности измениться, потому и исход будет только один – самоубийство.

Внимательного читателя глубоко поражает внутренний диапазон лермонтовского героя, те личностные грани, которые формируют его духовный облик. Этот потенциал героя оказался глубоко продуманным и переработанным Достоевским – писателем. В мытарствах Печорина он увидел много общего и с судьбой самого поэта.

Творческий гений Лермонтова открыл проблему «вольного и свободного хотения» (термин Ф.М. Достоевского – Е.У.), которую уже подпольный человек Достоевского доведет в своих фантазиях «хоть бы до сумасшествия». Герой Достоевского будет кричать о выпадении человека из миропорядка: «...мы все отвыкли от жизни, все хромаем... Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее» [5]; писатель обнажит и буквально вывернет наизнанку человеческое подсознание и через мысли своего подпольного героя заставит читателя задуматься над целым спектром «пренеприятных» характеристик человеческой природы.

В свое время Д.С. Мережковский в исследовании «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» очень точно, на наш взгляд, определил трагедию поэта в «бесконечном раздвоении, колебании воли, смешении добра и зла, света и тьмы» [25], а В.В. Розанов по внутренней неуспокоенности и неизбывной тоске сближал Лермонтова с Гоголем и Достоевским. Все так, у Лермонтова «была уже русская драма творчества» [1], потому он и оказался в ряду великих классиков.

С позиции своего времени понимал это и Достоевский.

Возвращаясь к характеристике «особенного» байрониста, думается, что Достоевский осмысливал лермонтовское творчество шире и сложнее, не только на уровне художественных открытий, иначе нельзя было бы говорить о неисчерпаемости темы: Лермонтов – Достоевский. Творчество поэта, метафизика его духовного поиска и конфликт с миром, открытия в области русского романа он представлял в очень сложной плоскости надолго поселившегося в «нашей Русской земле» типа «несчастливого скитальца», «исторического русского страдальца», которому писатель прочил долгую и трудную жизнь в родном отечестве [6]. Но Достоевский предвидит в Лермонтове возможность «исхода» и

именно в пушкинском направлении – «в преклонении перед народной правдой» и подчеркивает – «на то есть большие и точные указания» [7].

Среди указаний одно тронуло Достоевского до глубины души. В уже упомянутом нами очерке «Пушкин. Лермонтов и Некрасов» он говорит об особом свете и ясности, которыми отличаются народные образы Лермонтова: «Он любит русского солдата, казака, он чтит народ» [8]. При этом писатель выделяет «бессмертную песню» о молодом купце Калашникове. В образе этого героя его восхитит ответ, данный им царю за свой проступок:

«Я скажу тебе, православный царь:

Я убил его *вольной волею*,

А за что, про что – не скажу тебе,

Скажу только Богу единому. [4]

В этом ответе глубочайшая искренность, умение постоять за «правду истинную», осознание своей ответственности, по «*вольной воле*», перед Богом, царем и семьей. Достоевский не исключал для «великого поэта» возможности стать «печальником горя народного». Что впоследствии всесторонне воплотил в своем творчестве Н.А. Некрасов.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – С. 119
2. Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. – М.: Русский путь, 2005. – С. 35.
3. Гиголов М.Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – 1986. – Т.6. – С. 64.
4. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя / Ф.М. Достоевский. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – С. 404.
5. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 т. – М., Издательство «Правда», 1982. Т.2. – С. 503.
6. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя – С. 402.
7. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя – С. 379.
8. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн.2.: Дневник писателя – С. 379.
9. Ильин В.Н. Арфа Давида. Религиозно – философские мотивы русской литературы. – СПб.: Русский мир, 2009. – С. 77.

10. Левин В.И. Достоевский, «подпольный парадоксалист» и Лермонтов. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. 31, вып. 2. – С. 142–156.; Валагин А.П. Читал ли Достоевский «Княгиню Лиговскую?» // Достоевский: Материалы и исследования. – 1978. – Т.3. – С. 205–209; Гиголов М.Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – 1985. – Т.6. – С. 64.; Осмоловский О.Н. Идея «сверхчеловека» у Лермонтова и Достоевского (Ставрогин и Печорин) // Достоевский и современность. – 2002. – С. 152–160.;
11. Лермонтов М.Ю. Полн. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1953. Т. 1. – С. 112.
12. Лермонтов М.Ю. Полн. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1953. Т. 1. – С. 223.
13. Лермонтов М.Ю. Полн. Собр. соч.: Т. 1. – С. 137.
14. Лермонтов М.Ю. Полн. Собр. соч.: Т. 1. – С. 140.
15. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. М – Л., 1955. Т. IV. – С. 195.
16. Лермонтов М.Ю. Полн. Собр. соч.: Т. 1. – С. 163.
17. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. / М.Ю. Лермонтов // Избранное. – М.: ТЕРРА, 1996. – С. 434.
18. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. / М.Ю. Лермонтов // Избранное. – С. 416.
19. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. / М.Ю. Лермонтов // Избранное. – С. 417.
20. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. / М.Ю. Лермонтов // Избранное. – С. 418.
21. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. / М.Ю. Лермонтов // Избранное. – С. 418.
22. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. / М.Ю. Лермонтов // Избранное. – С. 441.
23. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. – М.-Л., 1955. – Т. IV. – С. 115.
24. Майков А.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Издательство «Правда», 1984. – С. 75.
25. Мережковский Д.С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. / Д.С. Мережковский // Лермонтов: Pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 366.
26. Садовской Б.А. Трагедия Лермонтова / Б.А. Садовской // Лермонтов: Pro et contra. – С. 411.
27. Ходасевич В.Ф. Фрагменты о Лермонтове/ В.Ф. Ходасевич // Лермонтов: Pro et contra. – С. 438.
28. Шмеман А., прот. «Я верю». Что это значит? О главном в христианстве. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет: Эксмо, 2013. – С. 1017, 1018.
29. Шмеман А., прот. «Я верю». Что это значит? О главном в христианстве. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет: Эксмо, 2013. – С. 1018.

Рецензенты:

Сысоева Н.П., д.фил.н., профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы, ФГБОУ ВПО Оренбургский государственный педагогический университет им. В.П. Чкалова, Министерство образования и науки Российской Федерации, г. Оренбург.

Скибин С.М., д.фил.н., профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы, ФГБОУ ВПО Оренбургский государственный педагогический университет им. В.П. Чкалова, Министерство образования и науки Российской Федерации, г. Оренбург.